

УДК 811.581'37

ЛЕКСИКА ПРЯДЕНИЯ, ТКАЧЕСТВА И ШВЕЙНОГО ДЕЛА КАК МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА ЧЭНЬЮЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мария Андреевна Гранова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Россия, Пермь, ул. Букирева 15. marjanaandreeva@mail.ru

Рассматриваются чэньюй китайского языка, содержащие именные компоненты, относящиеся к лексике прядения, ткачества и швейного дела, – обозначения тканей, нитей, ткацкого стана и его частей, швейной иглы. Цель исследования – выявление признаков этих реалий, которые стали мотивирующими для включения их названий в состав устойчивых оборотов и для возникновения их фразеологической семантики. Установлено, что это могут быть как объективные признаки этих предметов (цвет, размер, форма и т. д.), так и субъективные, приписываемые им носителями языка (ценность и красота). Построены мотивационные модели, иллюстрирующие развитие семантики исследуемых единиц; доказано, что семантические процессы обусловлены образом жизни китайского народа, его историей и культурой.

Ключевые слова: фразеология; чэньюй; лексика прядения, ткачества и швейного дела; семантико-мотивационные модели; китайский язык.

Введение

Известно, что фразеология любого языка, наряду с лексикой, отражает картину мира носителей этого языка, опыт освоения ими окружающей действительности. Анализ фразеологического фонда позволяет обнаружить специфику природных условий жизни этноса, установить особенности его социально-исторического развития, выявить черты национального характера, изучить культуру народа, его обычаи и традиции. Таким образом, исследование фразеологии различных языков является актуальным направлением научной работы.

Настоящее исследование посвящено фразеологическим единицам китайского языка. Как указывает Ма Гофань, в китайском языке существуют следующие виды фразеологических единиц: 1) чэньюй (成语 chéngyǔ) – идиома; 2) яньюй (谚语 yànyǔ) – пословица; 3) сехоуяй (歇后语 xiēhòuyǔ) – недоговорка-иносказание; 4) гуаньюньюй (惯用语 guànyòngyǔ) – фразеологическое сочетание; 5) суюй (俗语 sùyǔ) – поговорка [Ма Гофань 1978: 54–93].

В настоящей работе объектом анализа станут единицы вида чэньюй (букв. «готовое выражение»), которые составляют самый обширный класс китайских фразеологизмов (см. об этом, например [Цзин Байлян 2015: электр. ресурс]) и представляют собой «устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), по-

строенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Баранова 1969: 98]. Источниками таких единиц служат произведения китайской классической литературы (каноны, философские трактаты, исторические сочинения, художественные тексты), а также мифы, афоризмы и даже заимствования из других языков [Войцехович 2007: 18].

Исследователи, занимающиеся рассмотрением китайской фразеологии, указывают следующие основные признаки чэньюй: построение по грамматическим нормам языка вэньянь¹: архаичная лексика (наличие в составе выражения историзмов и архаизмов, многие из которых в современном языке путунхуа утратили качества самостоятельного слова и выступают лишь как словообразовательные морфемы) [там же: 40–41]; ограниченное число компонентов (от 3 до 14, чаще всего – 4, поскольку именно четырехкомпонентная структура позволяет построить любую грамматическую конструкцию и выразить всю глубину семантического содержания при использовании минимального числа языковых средств, что отражает закон языковой экономии) [там же: 28–30]; моносиллабичность, при которой чэньюй состоит из односложных компонентов, обладающих широкой синтаксической ва-

лентностью, в его составе часто отсутствуют служебные слова [там же: 23]; строгая синтаксическая структура, обладающая устойчивостью (нельзя изменять порядок компонентов выражения) и непроницаемостью (внутри чэньюй нельзя вставить слово) [Курдюмов, Скворцов 2018: 5]; семантическая монолитность (значение выражения не всегда выводится из значения отдельных иероглифов, составляющих чэньюй) [там же: 8]; воспроизводимость (чэньюй не создается каждый раз заново, а воспроизводится говорящим в готовом виде) [Войцехович 2017: 35]; синтаксическое единство (синтаксически чэньюй представляет собой словосочетание или предложение, однако функционирует как слово и является одним членом предложения) [там же: 25]; принадлежность к книжному стилю речи [там же: 53]; образность, экспрессивность и символичность [Курдюмов, Скворцов 2018: 13]. Использование чэньюй в речи является свидетельством начитанности говорящего и его высокого уровня владения языком [там же: 4].

Как сказано выше, чэньюй образуют самый многочисленный класс в рамках китайской фразеологии, поэтому в современной синологии ведется их разностороннее рассмотрение. Так, изучаются их происхождение [Браташова, Мусаелян 2016; Кольцова 2021 и др.] и грамматическая структура [Зайцева 2018; Котельникова 2016 и др.], способы перевода на русский язык [Козлова 2017; Лю Цзяцзини 2017; Чжан Вэй 2023 и др.], место таких единиц в преподавании китайского языка как иностранного [Блохина, Белокурова 2024; Чэнь Шуан 2007 и др.]; ведутся исследования, посвященные сопоставлению чэньюй с единицами фразеологических фондов других языков (например, русского [Баженов 1999; Ван Синьцзюй 2018 и др.], английского [Ван Ци 2023 и др.], японского [Кожевников, Шевчук, Мережко 2018 и др.] и мн. др.) и выявляется их национально-культурная специфика.

Ученые-синологи также уделяют большое внимание анализу семантических особенностей чэньюй. Можно указать два основных направления в этой области. Исследователи, работающие в рамках первого из них, отталкиваются от значения фразеологизмов, т. е. от определенной реалии, и анализируют то, какие единицы из набора чэньюй и через какие компоненты данную семантику выражают. Так, например, рассматривалось отражение в чэньюй различных аспектов национальной культуры китайцев [Чэнь Сыфань 2024], а также представлений носителей китайского языка о качествах человека [Байшериева 2014; Ордахова, Лебедева, Бугуев 2016], богатстве и бедности [Крылова 2023], любви [Бай

Линсяо 2023] и др. Второе направление предполагает путь от языковой формы фразеологизма к его семантике: в таких работах обычно рассматривается некоторая группа чэньюй, имеющих в своем составе определенный компонент, и анализируется то, какие значения такие единицы могут выражать. Так, большое число работ, выполненных в рамках данного подхода, посвящены чэньюй, включающим зоонимы [Павленок, Привороцкая 2018; Сун-Ту-Дзя, Яковлева 2022], фитонимы [Ван Ци 2023; Дин Лина 2024; Кожевников, Шевчук, Мережко 2018], соматизмы [Го Синь-и 2004; Пяо Юйци, Персиянова 2022], колоративы [Кольцова 2018; 2021], названия природных объектов и стихий [Чжао Сюцин 2008; Яковлева, Бунина 2022; Яковлева, Чжао Пэнбо 2021]. Настоящее исследование выполнено в русле второго направления.

Материал и методы исследования

Объектом нашего анализа являются чэньюй, включающие в себя компоненты, относящиеся к лексике прядения, ткачества и швейного дела. В состав такой лексики входят названия лиц, занимающихся прядением, ткачеством и шитьем, обозначения отдельных трудовых действий и процессов, выполняемых при прядении, ткачестве и пошиве одежды, материалов для работы, инструментов и орудий труда, а также результатов труда на каждом этапе работы [Тариева 1995: 9; Шейдаева 2019: 913]. Прядение, ткачество и швейное дело являются одними из древнейших видов производственной деятельности человека, поэтому связанные с ними лексические единицы составляют важный пласт ремесленной лексики и – шире – лексики материальной культуры и служат источником сведений о жизни народа – носителя языка, его трудовой деятельности и духовной культуре. Поэтому лексика прядения, ткачества и швейного дела представляет большой интерес для исследователей.

Однако, как показал анализ, в настоящее время специальные научные работы, посвященные этим лексическим единицам как компоненту чэньюй, отсутствуют. Наиболее близкими к теме настоящего исследования являются работы, в которых в подобном аспекте рассматриваются наименования одежды. В указанных работах, в частности, анализируются лексемы, называющие виды тканей, используемые для изготовления одежды [Ма Цзясинь, Шамсутдинова 2021], а также некоторые обозначения способов изготовления одежды [Сербова 2019].

Настоящая работа направлена на изучение семантики чэньюй, включающих различные подгруппы лексики прядения, ткачества и швейного дела. Цель исследования – выявление тех при-

знаков реалий, относящихся к этим видам хозяйственной деятельности человека (инструментов, материалов, действий и т. д.), которые стали мотивирующими для включения их обозначений в состав устойчивых оборотов и для развития фразеологического значения.

Источником материала для настоящей работы послужил «Китайско-русский фразеологический словарь» О.М. Готлиба и Хуайна Му [КРФС], из которого методом сплошной выборки было отобрано 40 чэньюй, включающих в качестве компонентов слова, относящиеся к лексике прядения, ткачества и швейного дела; затем эти фразеологизмы были распределены в несколько групп, в зависимости от конкретного ремесленного термина, имеющегося в их составе (если таких компонентов в выражении было несколько, то оно попадало сразу в несколько групп). Отметим, что в рамках настоящей статьи будут рассмотрены лишь те 24 из обнаруженных фразеологических единиц, в мотивационной семантике которых ведущую роль играют именные лексемы.

Анализ семантических групп чэньюй

1. Чэньюй, мотивированные названиями расходных материалов для прядения, ткачества и шитья и обозначениями продуктов этих процессов

Фразеологические единицы, включающие названия расходных материалов, используемых при прядении, ткачестве и швейном деле, и конечных продуктов, являющихся результатами этой деятельности, были объединены в одну большую группу сознательно, поскольку продукция, получаемая на каждом из этапов этих процессов, одновременно служит сырьем для следующего этапа. Так, нити, получаемые при прядении, выступают сырьем для тканья, а получаемый при тканье холст – материалом для шитья.

Как показал анализ словарных материалов, в данную группу входят две подгруппы.

1.1. Чэньюй, мотивированные названиями тканей

В китайско-русском фразеологическом словаре О.М. Готлиба находим довольно большое число чэньюй (всего – 12 единиц), включающих обозначения тканей. Это обусловлено тем, что одежда (а следовательно, и ткань, из которой она изготавливается), наряду с пищей, является главным ресурсом, который составляет необходимый минимум для жизни человека, что находит отражение в идиоме 布帛菽粟 bù bó shū sù (перевод – «ткань и хлеб» [КРФС: 50], дословно «полотно, шелк, бобы, просо» [БКРС: электр. ресурс]) ‘все самое необходимое’² [КРФС: 50]. Интересно, что

в Китае предметом первой необходимости является не только хлопчатобумажный холст, но и шелк, который изначально могли носить лишь император и его семья, затем чиновники и богатые купцы (сначала – только как погребальную одежду, а позднее – и при жизни), а затем и все слои общества [Сюй Сяо 2023: 144–148]. Мотивационную модель в данном случае можно представить следующим образом: ‘полотно и шелк как самые распространенные и культурно значимые виды ткани’ → ‘полотно и шелк (или ткань вообще³) как необходимые для жизни вещи’ → ‘самое необходимое’.

На наш взгляд, подобную же семантику имеет компонент 布 bù в выражении 尺布斗粟 chǐ bù dòu sù (перевод – «один чи ткани, один доу чумизы» [КРФС: 71], дословно «[один] чи (китайский фут, мера длины, равная 1/3 метра) ткани (полотна), [один] доу (мера сыпучих и жидких тел, около 10,35 литра) проса (зерна)» – перевод мой, М.Г.) ‘ссора между братьями из-за дележа богатства; столкновение интересов между братьями’ [КРФС: 71]. Представляется, что главную роль в образовании фразеологической семантики данного выражения играют счетные слова, обозначающие меру: один чи и один доу – очень небольшое количество ткани и зерна, следовательно, братья ссорятся, решая, как их разделить (ср. [БКРС: электр. ресурс]). Сами же ткань и зерно обозначают необходимый для жизни минимум.

Рассмотрим выражение 纨绔子弟 wán kù zǐ dì (перевод – «молодые люди в шелковых штанах» [КРФС: 431]) ‘праздная аристократическая молодежь; «золотая молодежь»; пижон’ [КРФС: 431]. Представляется, что главную роль в семантике этого выражения играет компонент 纨 wán ‘белый тонкий шелк’ [БКРС: электр. ресурс]. Как говорилось выше, долгое время шелк имел очень высокую стоимость и был доступен лишь высшим слоям населения [Сюй Сяо 2023: 148], поэтому шелковая ткань и одежда из нее стали символами аристократии. Сама идиома использовалась прежде всего по отношению к детям из богатых аристократических родов, которые, не работая, вели роскошную жизнь за счет своей семьи [Полное собрание чэньюй: электр. ресурс], поэтому чэньюй развил отрицательную коннотацию ‘белоручка, недоросль’ [КРФС: 431].

Символику богатой жизни и достатка в китайском языке также имеет парча, ср. выражение 锦衣玉食 jǐn yī yù shí (перевод – «парчовые одежды, нефритовые яства» [КРФС: 221]) ‘роскошная, праздная жизнь’ [КРФС: 221]. Отметим, что парча – «сложноузорчатая художественно-декоративная ткань с шелковой основой, содержащая в утке (реже в основе) металлические нити с зо-

лотом и серебром» [БРЭ: электр. ресурс], которая, как и сам шелк, возникла в Китае, а затем распространилась в страны Малой Азии и Европы [БРЭ: электр. ресурс].

Таким образом, общую мотивационную модель для двух рассмотренных выше случаев можно представить следующим образом: 'шелк, парча как дорогие ткани, доступные лишь высшим слоям населения' → 'богатая жизнь (т.е. жизнь тех, кто эти ткани себе может позволить)'.

Простые люди носили одежду из льна и хлопка [Сюй Сяо 2023: 148], поэтому, в противоположность шелку и парче, холст становится символом простой жизни, а также скромности, которая являлась важным качеством идеальной жены. Ср. выражение 荆钗布裙 jīng chāi bù qún (перевод – «терновые шпильки и холщовая юбка» [КРФС: 223]) 'простота и скромность идеальной жены' (БКРС: электр. ресурс). Мотивационная модель здесь следующая: 'холст как ткань, из которой изготавливали одежду простые люди' → 'простая, скромная жизнь' → 'женская скромность'.

В словарных материалах находим выражение 牛衣对泣 niú yī duì qì (перевод – «плакать друг перед другом в одежде из дерюги» [КРФС: 306]) 'супруги, влачащие скудное существование' [КРФС: 306]. Отметим, что среди четырех элементов, составляющих этот чэньюй, нет названия ткани; дословный перевод этого выражения следующий: «[в] коровьей одежде друг напротив друга лить слезы» (перевод мой, М.Г.). Однако компоненты 牛衣 niúyī вместе составляют слово «дерюга, мешковина», обозначающее «грубую ткань из низкосортной пряжи» [МАС 1: 391], а именно из отходов конопли [БКРС: электр. ресурс]. Здесь она названа «лошадиной одеждой», т. к. из такой ткани изготавливались попоны для скота [БКРС: электр. ресурс]. Таким образом, в рассматриваемом случае обнаруживаем мотивационную модель, которая похожа на описанную выше: 'грубый холст (дерюга), обычно служащий для различных хозяйственных целей, использованный как материал для пошива одежды' → 'бедная жизнь'.

Помимо символики богатой и бедной жизни, названия тканей в китайском языке развивают и другие значения. При этом, что естественно, названия дорогих тканей чаще передают положительную семантику, а дешевых и грубых – отрицательную. Ср., например, выражение 锦上添花 jǐn shàng tiān huā (перевод – «добавлять узоры на парчу» [КРФС: 220]) 'наводит лоск; улучшать; стремиться к совершенству; сделать хорошее еще более хорошим' [КРФС: 220]. Пар-

ча может символизировать талант поэта: 锦心绣口 jǐn xīn xiù kǒu (перевод – «расшитое сердце, расшитый рот» [КРФС: 221]; «парчовое сердце, узорные уста» – перевод мой, М.Г.) 'глубокие мысли и великолепное изложение' [КРФС: 221].

В другом выражении 青蝇点素 qīng yíng diǎn sù (перевод – «муха пятнает шелковую ткань» [КРФС: 343]; дословно «зеленая падальная муха пятнает белый шелк» – перевод мой, М.Г.) муха символизирует клеветника [БКРС: электр. ресурс; КРФС: 343], а белый шелк – честь человека. Все выражение имеет семантику 'порочить честное имя, клеветать, обливать грязью' [КРФС: 343].

Еще одна идиома, включающая название парчи, – 锦囊妙计 jǐn náng miào jì (перевод – «превосходный план в парчовом мешке» [КРФС: 220]; дословно «[в] парчовом мешке прекрасный (хитроумный) план» – перевод мой, М.Г.) – имеет значение 'хороший способ решения актуального вопроса, хитроумный план', а также 'хитрый, изворотливый' [КРФС: 220]. Выражение взято из пятидесят четвертой главы романа «Троецарствие», где описан способ подготовки к экстренной ситуации: план пишут на листке бумаги и кладут в парчовый мешочек (который использовался как сумка для мелочей) и в минуту опасности достают листок, прочитывают план и действуют согласно ему [КРФС: 220].

В словаре О.М. Готлиба находим также идиому 抱布贸丝 bào bù mào sī (перевод – «придерживать деньги на покупку шелковых ниток» [КРФС: 30]; «имея на руках холст, обменивать [его] на шелк» [БКРС: электр. ресурс]). Если опираться на более близкий к буквальному перевод, представленный в БКРС, то фразеологизм отсылает к натуральному обмену, отсюда его значение 'вести торговлю' [КРФС: 30]. С другой стороны, компонент 布 bù 'ткань' также имеет значение 'монета' [БКРС: электр. ресурс], поэтому возможен перевод «имея при себе деньги, покупать шелк» (перевод мой, М.Г.). Переносное значение фразеологизма – 'под предлогом покупки шелка прийти к женщине и сделать ей предложение' [БКРС: электр. ресурс]; О.М. Готлиб отмечает также значение 'флиртовать, заигрывать' [КРФС: 30], возникновение этой семантики, вероятно, связано с общим смыслом стихотворения 氓 (в переводе А.А. Штукина «Ты юношей простым пришел весной» [Штукин, Федоренко 1957: 74]) из «Книги песен», в котором говорится о юноше, который пришел к девушке «обменивать шелк», т. е. с предложением руки и сердца, но затем бросил ее.

Рассмотрим также чэньюй 披麻救火 pī má jiù huǒ (перевод – «надеть конопляную одежду

(траур) и требовать огня» [КРФС: 317]; «накинув на плечи холстину, идти тушить пожар» [БКРС: электр. ресурс]; дословно «накинув на плечи [одежду из] конопляного холста, спасать [кого-л.] из огня» – перевод мой, М.Г.) ‘переть против рожна, искать неприятности на свою голову’ [КРФС: 317]. Семантика данного выражения, во-первых, обусловлена признаком легкой воспламеняемости одежды из полотна, которая поэтому не может защитить человека от огня. Возможна и иная мотивация. Объединяясь, компоненты 披麻 pī má могут означать «носить траурную одежду по родителям» [БКРС: электр. ресурс]. Стоит сказать, что в китайской культуре ношение траура строго регламентировалось. Траур по родителям был наиболее строгим и долгим (три года); одежда для самых строгих степеней траура была наиболее простой: при подготовке такого платья всего лишь вырезали ножом из куска материи необходимую форму, ее не обрабатывали и даже не шивали; ткань была очень рыхлой, нити для ее изготовления почти не обрабатывались, поэтому она была жесткой, поскольку считалось, что человека, перенесшего утрату родителей, одежда волновать не должна [Кейдун 2015: 85–87]. При этом траур воспринимался как время, необходимое для восстановления ритуальной чистоты социума; в период траура родственники умершего, введенные в сакральное, «нечистое» состояние его смертью, составляют с ним «особое сообщество, находящееся между миром живых и миром мертвых» [Кейдун 2019: 72] и поэтому должны быть изолированы от общества. Следовательно, если человек, носящий траур, бросается спасать кого-то на пожаре, он может навлечь беды и на себя, и на остальных членов социума.

1.2. Чэньюй, мотивированные названиями нитей, пряжи

В эту подгруппу вошло пять фразеологических единиц. Среди них имеется, например, выражение 万缕千丝 wàn lǚ qiān sī (перевод – «десять тысяч ниток, тысяча нитей») [КРФС: 434] ‘неисчислимо множество; многочисленные, сложные и тесные отношения и связи’ [КРФС: 434]. Как видно из приведенных словарных данных, в этой идиоме нити символизируют связи, отношения между людьми, что обусловлено формой нитей и их функцией при шитье. Мотивационная модель следующая: ‘нити как нечто длинное и то, что связывает, скрепляет детали одежды между собой’ → ‘нити как связи между кем-либо или чем-либо’.

Отчасти это же значение наблюдаем у компонента 丝 sī ‘нить’ и в выражении 一丝不挂 yī sī bù

guà (перевод – «ни одной ниточки не висит») [КРФС: 512] ‘свободный, ничем не связанный’ [КРФС: 512]. Согласно «Большому китайско-русскому словарю», именно это значение является для данной единицы первичным; корни рассматриваемого фразеологизма следует искать в буддийском учении, где оно связывалось с отречением от мира, разрывом всех связей с ним для достижения безмятежности духа [БКРС: электр. ресурс]. Позднее данное выражение получило также семантику ‘голый, обнаженный, не прикрытый’ [КРФС: 512] (в словаре О.М. Готлиба именно это значение подано как первичное). В этом случае ключевым мотивировочным признаком является использование нитей как сырья при изготовлении полотна для платья, что дает основание для семантического переноса ‘нити’ → ‘одежда’.

Проанализируем также идиому 嫠不恤纬 lí bù xù wéi (перевод – «вдова не заботится о пряже (а скорбит о гибели, грозящей дому Чжоу)») [КРФС: 256] ‘жить заботами страны, забывая о своем доме’ [КРФС: 256]. Представляется, что, поскольку прядение являлось одним из традиционных видов женских хозяйственных работ, пряжа в этом выражении выступает как символ бытовых забот и дома в целом.

Две оставшиеся идиомы данной подгруппы наряду с названиями нитей содержат обозначения иглы, поэтому они будут рассмотрены в следующем разделе.

2. Чэньюй, мотивированные названиями инструментов для прядения, ткачества и шитья

В словаре О.М. Готлиба обнаружен ряд чэньюй (9 единиц), включающих названия технических средств и инструментов, которые используются при прядении, ткачестве и шитье. Как показывает проведенный анализ, в состав идиом регулярно включаются обозначения всего двух инструментов – ткацкого стана (и его частей) и иглы. Однако стоит отметить, что при этом спектр значений, с которыми связываются эти компоненты в составе фразеологизмов, достаточно широк.

Так, мысль о создании чего-то нового передается в китайском языке через идею изобретения нового ткацкого стана: 别出机杼 bié chū jī zhù (перевод – «создать другой ткацкий станок») [КРФС: 41] ‘придумать что-то новое в организации производства’ [КРФС: 41], ‘не следовать общепринятым стандартам, проложить себе новый путь’ [БКРС: электр. ресурс]; 自出机杼 zì chū jī zhù (перевод – «самому придумать ткацкую гребенку») [КРФС: 585]; «самому придумать бер-

до ткацкого стана» – перевод мой, *М.Г.*) ‘создать что-то оригинальное, самобытное’ [КРФС: 585]. Главным мотивирующим компонентом в данных выражениях является единица 机杼 *jīzhù*, которая, как цельное слово, может иметь значение ‘ткацкий станок’ [БКРС: электр. ресурс], а может быть рассмотрена как состоящая из элементов 机 *jī* ‘ткацкий станок’ и 杼 *zhù* ‘челнок’, а также ‘бердо’ [БКРС: электр. ресурс]. Отметим, что бердо – «одна из составных частей ткацкого станка в виде гребня или рамы с вертикальными прорезями, через которые пропускаются нити основы» [СТСРЯ: электр. ресурс]. Представляется, что в данном случае мотивирующим признаком выступает форма этой части ткацкого станка: продевание нитей в бердо воспринимается как следование некоему устоявшемуся канону, а изобретение нового берда – как появление нового плана («рамки» произведения), канона (ср.: в китайском языке единица 机杼 *jīzhù* также имеет значение ‘замысел, концепция, план (литературного произведения)’ [БКРС: электр. ресурс]).

Ткацкий станок (точнее, челнок) может быть метафорой быстротечности времени, что проявляется в выражении 日月如梭 *rì yuè rú suō* (перевод – «дни и месяцы как ткацкий станок» [КРФС: 362]; «солнце и луна снуют по небу, подобно ткацким челнокам» [БКРС: электр. ресурс]; дословно «солнце (дни) и луна (месяцы) подобны челноку» – перевод мой, *М.Г.*) ‘время летит стрелой’ [КРФС: 362]. Челнок – часть ткацкого стана, имеющая обтекаемую форму и полость внутри для размещения шпули с точной нитью, используется для прокладывания утка́ между нитями основы [БРЭ: электр. ресурс]. Мотивирующим признаком здесь выступает скорость движения челнока при тканье.

Наконец, поскольку ткачество издавна было женским занятием, постольку ткацкий станок и его части могут символизировать женщину: 投梭折齿 *tóu suō zhé chǐ* (перевод – «бросить ткацкий челнок и выбить [ухажеру] зубы» [КРФС: 425]; «метнуть ткацкий челнок и выбить [ухажеру] зубы» – по примеру одной девушки, дин. Цзинь [БКРС: электр. ресурс]) ‘отвергнуть недостойное ухаживание’ [КРФС: 425].

Рассмотрим теперь фразеологические единицы с компонентом «игла».

Во-первых, игла может связываться со скрытой опасностью, возможным вредом: 绵里藏针 *mián lǐ cáng zhēn* (перевод – «в вате спрятать иголку» [КРФС: 284]; «в шелковых оческах спрятать иглу» [БКРС: электр. ресурс]) ‘держат камень за пазухой; мягко стелет, да жестко спит; на устах мед, а на сердце лед; с подвохом’

[БКРС: электр. ресурс]. Мотивирующий признак в этом случае – острота иглы, способность колоть, причинять боль. Мотивационная модель: ‘острый предмет’ → ‘опасность’.

С другой стороны, игла может выступать символом хорошего результата, достигнутого большими усилиями: 磨杵成针 *mó chǔ chéng zhēn* (перевод – «пест обточить в иглу» [КРФС: 292]; дословно «шлифовать пест [и] превратить [его в] иглу» – перевод мой, *М.Г.*) ‘терпение и труд все перетрут; наперекор всем трудностям огромными усилиями добиться успеха’ [КРФС: 292]. Представляется, что мотивационными признаками в данном случае служат размер, форма и гладкость иглы. Таким образом, мотивационная модель здесь ‘игла как маленький гладкий предмет, выточенный из песта’ → ‘успех, достигнутый с огромным трудом’.

Размер иглы также оказывается значимым ее признаком в выражении 大海捞针 *dà hǎi lāo zhēn* (перевод – «искать иголку в море» [КРФС: 92]; «[из] океана вылавливать иголку» – перевод мой, *М.Г.*) ‘заниматься тяжелой, но бесполезной работой; ищи-свищи’ [КРФС: 92].

Отметим, что компоненты, называющие иглу, в рамках чэньюй нередко употребляются вместе с обозначениями нитей: 飞针走线 *fēi zhēn zǒu xiàn* (перевод – «летающая игла, бегущая нить» [КРФС: 126]; «летающая игла, бегущая нить» – перевод мой, *М.Г.*) ‘великолепная мастерица-рукодельница; мастерство рукоделия’ [КРФС: 126]; 细针密缕 *xì zhēn mì lǚ* (перевод – «тонкая игла, плотные нити» [КРФС: 455]) ‘тонкая работа (рукоделие); кропотливый, тщательный, скрупулезный’ [БКРС: электр. ресурс; КРФС: 455]. Таким образом, игла и нить, будучи важными атрибутами швейного дела, начинают обозначать саму эту деятельность и ее высокие результаты, женщину-мастерицу, занимающуюся шитьем, а также любую работу, напрямую с рукоделием не связанную, но требующую внимания и тщательности.

Выводы

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В состав идиом вида чэньюй в китайском языке могут включаться следующие именные компоненты, связанные с прядением, ткачеством и швейным делом: номинации тканей и нитей и обозначения ткацкого стана (и его частей) и иглы. Наиболее часто в структуру фразеологизмов входят названия тканей (12 единиц); на втором месте – наименования нитей и швейной иглы (по 5 единиц, причем в двух случаях эти компоненты встретились в рамках одного выражения); реже

всего в качестве компонентов чэньюй выступают названия ткацкого стана и его частей (4 единицы). Таким образом, из числа лексем, относящихся к терминам прядения, ткачества и швейного дела, наибольшей семантической и культурной значимостью в языковой картине мира носителей китайского языка обладают названия тканей.

2. В китайском языке фразеологические единицы вида чэньюй, содержание элементы, связанные с прядением, ткачеством и швейным делом, могут описывать

- 1) образ жизни людей, их достаток (锦衣玉食 jǐn yī yù shí «парчовые одежды, нефритовые яства»; 荆钗布裙 jīng chāi bù qún «терновые шпильки и холщовая юбка»; 牛衣对泣 niú yī duì qì «плакать друг перед другом в одежде из дерюги»);
- 2) социальный статус человека (纨绔子弟 wán kù zǐ dì «молодые люди в шелковых штанах»);
- 3) положительные качества человека, такие как поэтический талант (锦心绣口 jǐn xīn xiù kǒu «парчовое сердце, узорные уста»), высокий уровень мастерства в каком-л. деле (飞针走线 fēi zhēn zǒu xiàn «летающая игла, бегущая нить»), новаторство (别出机杼 bié chū jī zhù «создать другой ткацкий станок»), находчивость (锦囊妙计 jǐn náng miào jì «превосходный план в парчовом мешке»), трудолюбие и терпение, способность добиваться результата в делах (磨杵成针 mó chǔ chéng zhēn «пест обточить в иглу»), женскую скромность (荆钗布裙 jīng chāi bù qún «терновые шпильки и холщовая юбка»);
- 4) поведение человека, включая а) отрицательное поведение – праздность (纨绔子弟 wán kù zǐ dì «молодые люди в шелковых штанах»), безрассудные, глупые поступки, неадекватное реагирование на ситуацию (披麻救火 pī má jiù huǒ «накинув на плечи [одежду из] конопляного холста, спасать [кого-л.] из огня»), выполнение бесполезной работы (大海捞针 dà hǎi lāo zhēn «искать иголку в море»), распространение клеветы (青蝇点素 qīng yíng diǎn sù «зеленая падальная муха пятнает белый шелк»); б) положительное поведение – заботу об интересах своей страны (嫠不恤纬 lí bù xù wěi «вдова не заботится о пряже (а скорбит о гибели, грозящей дому Чжоу)»);
- 5) внешний облик человека (一丝不挂 yī sī bù guà «ни одной ниточки не висит»);
- 6) связи и отношения между людьми (万缕千丝 wàn lǚ qiān sī «десять тысяч ниток, тысяча нитей»; 一丝不挂 yī sī bù guà «ни одной ниточки не висит»; 尺布斗粟 chǐ bù dòu sù «один чи

ткани, один доу чумизы»; 绵里藏针 mián lǐ cáng zhēn «в шелковых оческах спрятать иглу»; 抱布贸丝 bào bù mào sī «имея на руках холст, обменивать [его] на шелк»);

- 7) экономические отношения (抱布贸丝 bào bù mào sī «имея на руках холст, обменивать [его] на шелк»);
- 8) обычаи и традиции народа (抱布贸丝 bào bù mào sī «имея на руках холст, обменивать [его] на шелк»);
- 9) различные абстрактные категории (например, ход времени: 日月如梭 rì yuè rú suō «дни и месяцы как ткацкий станок»).

3. Основными мотивационными признаками, обусловившими включение названий тканей, нитей, ткацкого стана и его частей и иглы в состав чэньюй, послужили следующие характеристики этих реалий:

- 1) степень важности предмета для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека (布帛菽粟 bù bó shū sù «ткань и хлеб»; 尺布斗粟 chǐ bù dòu sù «один чи ткани, один доу чумизы»);
- 2) стоимость предмета, его ценность (锦衣玉食 jǐn yī yù shí «парчовые одежды, нефритовые яства»; 牛衣对泣 niú yī duì qì «плакать друг перед другом в одежде из дерюги»; 青蝇点素 qīng yíng diǎn sù «зеленая падальная муха пятнает белый шелк»);
- 3) красота предмета (锦心绣口 jǐn xīn xiù kǒu «парчовое сердце, узорные уста»);
- 4) цвет предмета (青蝇点素 qīng yíng diǎn sù «зеленая падальная муха пятнает белый шелк»);
- 5) размер предмета (大海捞针 dà hǎi lāo zhēn «искать иголку в море»; 磨杵成针 mó chǔ chéng zhēn «пест обточить в иглу»);
- 6) форма предмета (磨杵成针 mó chǔ chéng zhēn «пест обточить в иглу»; 绵里藏针 mián lǐ cáng zhēn «в вате спрятать иголку»; 自出机杼 zì chū jī zhù «самому придумать ткацкую гребенку»; 万缕千丝 wàn lǚ qiān sī «десять тысяч ниток, тысяча нитей»);
- 7) характер движения предмета при работе с ним (日月如梭 rì yuè rú suō «дни и месяцы как ткацкий станок»);
- 8) функциональное назначение предмета (например, нити как то, что способно связывать, скреплять детали одежды – 万缕千丝 wàn lǚ qiān sī «десять тысяч ниток, тысяча нитей», 一丝不挂 yī sī bù guà «ни одной ниточки не висит»; дерюга как материал для попон для скота – 牛衣对泣 niú yī duì qì «плакать друг перед другом в одежде из дерюги»; одежда из конопли как символ траура – 披麻救火 pī má jiù huǒ «надеть конопляную одежду (траур) и требовать огня»);

9) лицо, которое использует предмет (так, например, одежда из шелка символизирует аристократию, которая ее носит – 纨绔子弟 wán kù zǐ dì «молодые люди в шелковых штанах»); игла, нить и ткацкий челнок символизируют женщину, которая ими работает – 飞针走线 fēi zhēn zǒu xiàn «летающая игла, бегущая нить»; 投梭折齿 tóu suō zhé chǐ «бросить ткацкий челнок и выбить [ухажеру] зубы»).

Как видим, мотивационную семантику номинаций тканей, нитей, ткацкого стана и его частей и иглы как компонента чэньюй обеспечивают их наиболее значимые с точки зрения носителей языка объективные (например, размер, форма предмета) и субъективные (оценка предмета как ценного, красивого) характеристики. Выбор этих характеристик обусловлен образом жизни китайского народа, его историей и традициями, что в целом свидетельствует в пользу антропоцентрического характера картины мира носителей языка.

Примечания

¹ Вэньянь (文言 wényán) – это нормативный традиционный китайский литературный язык, основанный на восточнокитайских диалектах [Шичко, Радус, Абдрахимов 2015: 21], появившийся в эпоху Тан (618–907 гг.), воспроизводящий особенности раннеклассических (эпоха Чжаньго, V–III вв. до н.э.) и познеклассических (эпоха Хань, 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) древнекитайских текстов [Завьялова 2008: 693]; он в значительной степени отличался от разговорного языка и был доступен лишь для представителей высших слоев общества, имевших достаточный уровень образования; до XX в. на этом языке писались литературные произведения, философские и медицинские трактаты, исторические сочинения. Впоследствии вытеснен разговорным языком байхуа (白话 báihuà) [Зограф 2008: 125].

² Здесь и далее кавычки («») используются для переводов и дословных переводов чэньюй, а марровские кавычки (‘’) – для передачи значения.

³ В этом выражении элементы 布 bù и 帛 bó вместе могут составлять двусложную единицу со значением ‘ткань’ [БКРС: электр. ресурс].

Список словарей

БКРС – Большой русско-китайский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 01.11.2024).

БРЭ – Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/parcha-dbf1f7?ysclid=m3adptdus714473110> (дата обращения: 04.11.2024).

КРФС – Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь: ок. 3 500 вы-

ражений. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2019. 596 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.

Полное собрание чэньюй. (成语大全). [Электронный ресурс]. URL: <https://chengyu.aiusv.com> (дата обращения: 04.11.2024).

СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (дата обращения: 03.11.2024).

Список литературы

Баженов Г.А. Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте: на материале китайского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 160 с.

Бай Линсяо. Когнитивный признак «любовь» в китайских чэньюй о счастье // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 39–48.

Байшериева Ж.Р. Особенности фразеологических единиц со значением характеристики человека в китайском языке // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2014. № 2(28). С. 96–98.

Баранова З.И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 234 с.

Блохина О.В., Белокурова С.С. Особенности развития лингвострановедческой компетенции на материале чэньюй на начальном этапе изучения китайского языка // Грани познания. 2024. № 2(91). С. 3–7.

Браташова Э.В., Мусаелян Е.Н. Чэньюй (成语 – идиомы) и их предыстории в китайском языке // Лингвистические горизонты: сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.А. Карабутова, И.Б. Акиншина. Белгород: Белгород, 2016. С. 20–24.

Ван Синьцзюй. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 215 с.

Ван Ци. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в китайском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 178 с.

Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 509 с.

Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 187 с.

Дин Лина. Фитонимы хлеб, трава в русских и китайских фразеологизмах с религиозным компонентом (лингвокультурный анализ) // Лингвокультурологические чтения: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.В. Воробьева, М.Л. Новиковой, Д.С. Скнарера. М.: Рос. ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 2024. С. 168–171.

Завьялова О.И. Вэньянь // Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2008. Т. 3: Литература. Язык и письменность. С. 693–696.

Зайцева К.А. Структурно-семантические особенности чэньюев в произведениях Лу Синя // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 2, № 2(34). С. 26–29.

Зограф Т.И. Вэньянь и байхуа: взаимодействие двух форм изолирующего языка // Письменные памятники востока. 2008. № 1(8). С. 125–146.

Кейдун И.Б. Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. № 4. С. 83–91.

Кейдун И.Б. Структура и функции ритуала перехода в древнекитайском траурном церемониале (на материале конфуцианского трактата «Ли цзи») // Религиоведение. 2019. № 1. С. 67–76.

Кожевников И.Р., Шевчук О.П., Мережко Е.В. Символические значения флоронимов в составе фразеологизмов китайского и японского языков (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9(87), ч. 1. С. 90–96.

Козлова Д.С. Особенности и способы перевода «чэньюй» в рамках политических статей китайской периодики // Научные исследования и разработки молодых ученых: сб. матер. XX Междунар. молодежн. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова / Центр развития научного сотрудничества. Новосибирск, 2017. С. 57–61.

Кольцова С.В. Лингвокультурный анализ фразеологических единиц с компонентом цвета (на материале русского, английского и китайского языков) // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7, № 27. С. 23–32.

Кольцова С.В. Источники происхождения фразеологических единиц с компонентом цвета в китайском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сб. ст. VII Всерос. науч.-практ. конф. / под науч. ред. В.И. Первушкина, П.А. Гараева, А.Б. Тугарова, О.В. Ягова, С.М. Васина; Пенз. гос. аграрн. ун-т. Пенза, 2021. С. 73–76.

Котельникова Н.Н. Структурно-грамматические особенности китайских четырехморфемных фразеологизмов «чэньюй» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8(112). С. 160–166.

Крылова М.А. Сравнительная характеристика понятий богатства и бедности в китайских идиомах чэньюй // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: матер. XI Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 4-х ч. / под ред. Е.С. Жуновой; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2023. Ч. 4. С. 222–224.

Курдюмов В.А., Скворцов А.В. Китайские фразеологизмы типа «чэньюй» / Мос. гос. пед. ун-т. М., 2018. 112 с.

Лю Цзяцзини. Приемы перевода фразеологизмов с числительным компонентом в русском и китайском языках // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XI: матер. междунар. науч.-практ. конф. мол. уч. / отв. ред. Т.И. Гармаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 147–150.

Ма Гофань. Чэньюй. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1978. 341 с. (马国凡. 成语. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1978. 341页.)

Ма Цзясинь, Шамсутдинова Р.Р. Производные от наименований предметов национального костюма фразеологические единицы в русском и китайском языках // В мире русского языка и русской культуры: сб. тез. V Междунар. студ. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Г. Персиянова, В.М. Филиппова; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2021. С. 157–159.

Ордахова Т.В., Лебедева В.В., Бугуев Н.Б. Китайские фразеологические единицы со значением «умный» // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 118, ч. 3. С. 179–183.

Павленок И.В., Привороцкая Т.В. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и китайского языков с зоонимом лиса – 狐狸 // Перспективы развития науки в современном мире: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Р. Халиков. Уфа: Дендра, 2018. С. 207–212.

Пяо Юйци, Персиянова С.Г. Сопоставительный анализ фразеологизмов в русском и китайском языках (на примере фразеологизмов с лексическими компонентами «рука», «сердце») // В мире русского языка и русской культуры: сб. тез. V Междунар. студ. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Г. Персиянова, В.М. Филиппова; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2021. С. 189–191.

Сербова М.А. Бытовая лексика во фразеологии китайского языка как средство отражения

картины мира // Актуальные проблемы языка и культуры: традиции и инновации: сб. ст. II Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.Л. Морозов; Арзамас. филиал Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Арзамас, 2019. С. 213–218.

Сун-Ту-Цзя М.К., Яковлева Е.С. Компонент-зооним змея (蛇) через призму чэньюй // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном пространстве. 2022. № 1(2). С. 178–180.

Сюй Сяо. Китайский шелк. Типологические характеристики росписи по шелку в Южной и Северной династиях Китая // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сб. матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. З.Ш. Бабаева. Махачкала: Алеф, 2023. С. 144–149.

Тариева Л.У. Этнолингвистические аспекты изучения структуры отраслевого словаря (на материале лексики швейного дела в ингушском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.

Цзин Байлян. Основные особенности фразеологии китайского языка // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1(3). [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/352/407> (дата обращения: 13.10.2024).

Чжан Вэй. Проблема перевода чэньюй с китайского на русский язык в свете теории лагун // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 5(873). С. 115–121.

Чжао Сюэцин. Китайские фразеологизмы с компонентами небо и земля и их русские соответствия // Вопросы филологических наук. 2008. № 3. С. 92–96.

Чэнь Сыфань. Национальная специфика содержания фразеологических единиц как отражение системы ценностей лингвокультуры: на материале китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 232 с.

Чэнь Шуан. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2007. 214 с.

Шейдаева С.Г. Из истории русских слов: пряжа, ткачиха и скатерть-самобранка // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2019. Т. 29, № 6. С. 913–923.

Шицзин [Книга песен] / изд. подгот. А.А. Штукин, Н.Т. Федоренко; перевод с кит. и коммент. А.А. Штукина. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 611 с.

Шичко В.Ф., Радус Л.А., Абдрахимов Л.Г. Курс лекций по истории китайского языка. М.: Издательский дом «ВКН», 2015. 192 с.

Яковлева Е.С., Бунина К.С. Коннотативные особенности чэньюй с компонентом «гора» в китайском языке // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном пространстве. 2022. № 1(2). С. 62–65.

Яковлева Е.С., Чжао Пэнбо. Семантические особенности чэньюй с компонентами стихии и компонентами-зоонимами // Вопросы журналистики. 2021. Т. 40, № 3. С. 404–412.

VOCABULARY OF SPINNING, WEAVING AND SEWING AS A MOTIVATIONAL BASE FOR CHENGYU IN THE CHINESE LANGUAGE

Maria A. Granova

Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

The article discusses the chengyu of the Chinese language, which contain nominal components related to the vocabulary of spinning, weaving and sewing, i.e. nominations of fabrics, threads, the loom and its parts, the sewing needle. The aim of the study is to identify the features of these realities that became motivating for the inclusion of their names in the composition of phraseological units and for the emergence of their phraseological semantics. It was revealed that these features could be both objective characteristics of these things (color, size, shape, etc.), and subjective ones attributed to them by native speakers (value and beauty). The constructed motivational models illustrate the development of the semantics of the units under study. It has been proven that these processes are determined by the way of life of the Chinese people, their history and culture.

Keywords: phraseology; chengyu; vocabulary of spinning, weaving and sewing; semantic motivational models; the Chinese language.